

ПОЕЗДКА В АЛЬБАНО И ФРАСКАТИ

(Воспоминание об А. А. Иванове)

Источник: Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. - Т. 11. - М., 1983. - С. 75-85.

Оригинал здесь: FILOLOG.RU.

В один из прекраснейших октябрьских дней 1857 года старая наемная карета тихо катилась, дребезжа стеклами, по шоссе, ведущему от Рима в Альбано.

На козлах возвышался веттурин с угрюмым лицом и громадными бакенбардами, по всем признакам отъявленный трус и сластолюбец; а в самой карете сидело трое русских "форестиера": покойный живописец Иванов, В. П. Боткин* и я. Впрочем, название "форестиера" могло применяться только к Боткину и ко мне. Иванов -- или, как его величали от трактира Falcone до Cafe Greco -- il signor Alessandro¹ и по одежде и по привычкам давно стал коренным римлянином.

День стоял удивительный -- и уже точно не доступный ни перу, ни кисти: известно, что ни один пейзажист, после Клод Лоррена, не мог справиться с римской природой; писатели оказались также несостоятельными (стоит лишь вспомнить "Рим" Гоголя и др.). А потому скажу только, что воздух был прозрачен и мягок, солнце сияло лучезарно, но не жгло, ветерок залетал в раскрытые окна кареты и ласкал наши, уже немолодые, физиономии -- и мы ехали, окруженные каким-то праздничным, осенним блеском и с праздничным, тоже, пожалуй, осенним чувством на душе.

* И он уже теперь не существует.

¹ от трактира Фальконе до Греческого кафе -- господин Александр (*итал.*).

Мы накануне, вместе с Ивановым, ходили в Ватикан; он был в ударе, не дичился и не ёжился, говорил охотно и много. Он говорил нам о различных школах итальянской живописи, которую изучил подробно и добросовестно; все его суждения были дельны и проникнуты уважением к "старым мастерам". Перед Рафаэлем он благоговел. Известно, что на Иванова некогда имел сильное влияние Овербек: он уяснил ему Рафаэля; но когда Овербек

75

пошел дальше, к Перуджино и его предшественникам, Иванов остановился; русский здравый смысл удержал его на пороге того искусственного, аскетического, символического мира, в котором потонул германский художник; зато идеалист Иванов остался навсегда в глазах Овербека грубым реалистом. Иванов глубоко сожалел о современном направлении наших художников (один из них при мне величал Рафаэля бездарным) и рассказывал нам кое-что о Брюллове и о Гоголе, которого называл постоянно Николаем Васильичем. Из его почтительных, но осторожных отзывов о нашем великом писателе можно было заключить, что он особенно хорошо изучил его. Гоголь нисколько не понимал Иванова, хотя превозносил его "Явление Христа"; ведь тот же Гоголь приходил в восторг от "Последнего дня Помпеи"; а любить эти две картины в одно и то же время значит не понимать живописи. Иванов с особенным сочувствием упоминал о страшном впечатлении, произведенном на Гоголя всеобщим осуждением его "Переписки"; об этом, да еще о 1848 годе, Иванов говорил не иначе как с содроганием. Может быть, ему в голову приходило, что "вот и мою картину, пожалуй, так же разберяют", а в началах, которые чуть было, не восторжествовали в 1848 году, он почему-то видел конец и разорение всякого искусства.

Речь зашла и об его картине. Мы ее тогда не видали, и он собирался отпереть свою студию дня на три, что он и исполнил несколько недель спустя. Он утверждал, что она еще далеко не кончена, и сообщил нам любопытные подробности о своей поездке в Германию, к одному известному ученому*, воззрение которого совпадало с тем, что он, Иванов, хотел выразить в своей картине. Он намеревался пригласить этого ученого в Рим для того, чтоб тот решил, точно ли соответствует картина вышесказанному воззрению.

По словам Иванова, Штраус, вероятно, принял его за сумасшедшего, тем более что разговор происходил со стороны Штрауса на латинском, а со стороны Иванова на итальянском языке, так как Иванов не понимал по-немецки; должно притом заметить, что Иванов плохо понимал по-латыни, а Штраус -- по-итальянски. Живо помню я наивное, почти трогательное удивление Иванова, когда